

Эпштейн Ольга Викторовна

ЯЗЫКОВОЕ ОФОРМЛЕНИЕ РЕЧЕВОГО АКТА УГРОЗЫ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА)

В статье дается обзор существующих точек зрения на разграничение прямых и косвенных речевых актов, а также рассматривается проблема перформативной экспликации речевых актов угрозы. Речевой акт угрозы эксплицируется посредством формы других видов речевых актов, при этом сохраняет собственную коммуникативную интенцию и семантическое содержание.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2009/1/57.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2009. № 1 (3). С. 216-220. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2009/1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

ЯЗЫКОВОЕ ОФОРМЛЕНИЕ РЕЧЕВОГО АКТА УГРОЗЫ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА)

Эпштейн О. В.

Кафедра английской филологии
Оренбургский государственный педагогический университет
olganleter@gmail.com

Аннотация. В статье дается обзор существующих точек зрения на разграничение прямых и косвенных речевых актов, а также рассматривается проблема перформативной экспликации речевых актов угрозы. Речевой акт угрозы эксплицируется посредством формы других видов речевых актов, при этом сохраняет собственную коммуникативную интенцию и семантическое содержание.

Ключевые слова и фразы: прямые и косвенные речевые акты; перформативная экспликация; речевые акты угрозы; коммуникативная интенция; семантическое содержание.

Речевой акт угрозы, или менасивный речевой акт (МРА), всегда привлекал внимание исследователей. Он фигурирует в значительном количестве работ в виде отдельных замечаний, иллюстративных примеров, рассматривается как вид более широких классов речевых актов, и т.д.

Базовой категорией МРА является угроза. В теории конфликтологии угроза рассматривается как один из видов агрессивных речевых актов, который служит для манифестации или установления социальной асимметрии. Агрессия предполагает целенаправленное деструктивное поведение, наносящее вред объектам нападения или вызывающее отрицательные переживания. Угроза есть намерение не только навредить интересам другой стороны, но и принудить оппонента действовать согласно предъявленным требованиям.

Являясь своего рода тактическим средством воздействия, т.е. манипулирования противником (собеседником/адресатом), угроза не могла не привлечь внимания лингвистов. При использовании угрозы в политическом дискурсе происходит переориентация средств ее вербальной реализации в соответствии с целью данного дискурса. Следовательно, в политической коммуникации угроза используется как тактический прием манипуляции противником в ситуациях с диаметрально разными целями: борьба за власть и переговоры. В случае переговоров, т.е. поиска компромисса, происходит детализация условий реализации угрозы, включается перечень различных требований, учитывается фактор времени (выполнение требований к определенному сроку) и т.п.

Ситуации, когда адресант позволяет себе прибегнуть к угрозам в политическом дискурсе, в основном отличаются определенными тематиками: военный конфликт с применением силы, социокультурные и политико-дипломатические международные связи и их разрыв, борьба претендентов за реальную власть.

Исходя из функционального подхода к языку, МРА можно определить как коммуникативно-прагматический класс высказываний со смысловой доминантой угрозы. Дихотомия коммуникативно-прагматического смысла данного типа высказываний включает имплицитное предписание с затемненной прескрипцией и эксплицитное предписание в виде трансформируемой модели. Для более четкого понимания эксплицитности и имплицитности предписаний МРА обратимся к понятиям прямого и косвенного речевого акта.

Проблема прямых и косвенных речевых актов занимает умы лингвистов уже многие годы. Речевой акт с эксплицитно выраженной интенцией, когда «говорящий имеет в виду ровно и буквально то, что он говорит», в теории речевых актов носит название прямого речевого акта. Если же в речевом акте говорящий «имеет в виду и прямое значение и, кроме того, нечто большее» [Серль, 1986, с. 195], такой речевой акт характеризуется как косвенный акт. Дж. Серль, описывая косвенные речевые акты, отмечает, что в «подобных случаях предложение, содержащее показатели иллокутивной силы для одного типа иллокутивного акта, может произноситься для осуществления, кроме того, иллокутивного акта другого типа» [Там же].

Так, подразделение речевых актов на прямые и косвенные проводится в зависимости от степени экспликации иллокутивной силы речевого акта. Средством выражения иллокутивного характера прямых речевых актов является перформативная формула (личное местоимение 1 л. + глагол в 1 л., ед.ч. наст.вр., индикатив), которая показывает однозначное соответствие между иллокутивной функцией и перформативным глаголом, номинирующим ее. В таком случае содержание иллокутивного акта может быть вербально эксплицировано, и иллокутивному акту соответствует перформативный глагол, например: *I declare, I promise, I order, etc.*

Имплицитное содержание высказывания, как правило, не имеет специальных средств для своего выражения и выводится из содержания высказывания, общей ситуации речи или общих фоновых знаний участников коммуникации [Долинин, 1983, с. 40]. Следовательно, имплицитный смысл высказывания обнаруживается только при непосредственном речевом общении, а в письменных текстах при обращении к контексту или экстралингвистическим знаниям, что значит, что вне ситуации такой речевой акт, как в следующем примере, не может быть опознан как угроза:

“These Nazi submarines and raisers are the rattlesnakes of the Atlantic” [<http://www.presidency.ucsb.edu/>].

Неодобрительный компонент данного высказывания, а именно сравнение военных сил противника с

гремучей змеей (rattlesnake) может быть на первый взгляд воспринят только как оскорбление. Но при обращении к предшествующему контексту выводится истинный менасивный компонент данного высказывания, представленный имплицитно.

“But when you see a rattlesnake poised to strike, *you do not wait until he has struck before you crush him*” [Там же].

Именно благодаря обращению к предшествующим словам, т.е. при оценивании всей ситуации в целом, мы можем догадаться об истинных намерениях адресанта нанести удар противнику прежде, чем тот нанесет свой.

Как уже было отмечено выше, наиболее адекватной формой, конкретизирующей иллокутивный характер высказывания, является эксплицитная перформативная формула. Речевая единица в перформативной функции одновременно обозначает действие речевого акта и является эквивалентом осуществления этого действия в момент говорения.

При обращении к речевым актам угрозы в их прямом выражении необходимо упомянуть о существовании особого класса глаголов, которые относятся к глаголам речевой деятельности и называют выполняемое говорящим действие. Они являются иллокутивными глаголами, но не могут употребляться в перформативной формуле, то есть служить индикатором иллокутивной силы. К таковым как раз и относится глагол “threaten” - «угрожать». Подобные глаголы получили название «квазиперформативов», что означает, что они либо неспособны употребляться в перформативном высказывании, либо требуют введения специальных операторов, обеспечивающих возможность функционирования в высказываниях от первого лица в настоящем времени. Опираясь на теорию З. Вендлера о наличии «подрывного фактора» в семантике данных глаголов, в исследовании Н. В. Готлиб предпринимается попытка выявить природу этого фактора с целью определения его статуса в семантической структуре и степени влияния на перформативное употребление глагола. При этом список глаголов для анализа заимствуется у З. Вендлера. Анализ словарных дефиниций глаголов-квазиперформативов показал наличие трех особенностей данного класса глаголов:

1) большинству этих глаголов свойственна сема «говорения» (присутствует либо непосредственно в дефиниции, либо выявляется через перекрестные дефиниции);

2) семный состав некоторых глаголов этой группы показывает, что действие может быть произведено не только средствами речи, но и другими способами;

3) в их семантическую структуру входит сема, специфицирующая перлокутивный эффект или конечный результат (исключение составляют *hint*, *allege*). Сема перлокутивного эффекта, присущая квазиперформативным глаголам, имеет «негативный» характер. Последствия указанного действия нежелательны или вредны для адресата [Готлиб, 1989, с. 55-56].

Интересующий нас глагол “threaten” удовлетворяет всем трем условиям отнесения его к квазиперформативам:

1) threaten - to say that you will cause someone pain, unhappiness, or trouble if they do not do what you want [LDCE, 2001, p. 1505]; to announce an intention to inflict evil, injury, damage, loss or harm [OALDCE, 1998, p. 1244];

2) threaten - to do sth undesirable, violent [ibid.];

3) inflict evil, injury, damage, loss, harm (threaten).

Таким образом, выполнение первого условия дает возможность говорить о том, что семантический признак глагола “threaten” сближает его с иллокутивным глаголом и дает основание отнести его к типу квазиперформативов. Присутствие в его семантике семы перлокутивного эффекта, а именно способа его достижения, выявляет его сходство с перлокутивными глаголами. «Негативные» последствия результата действия для адресата или «предосудительный» способ достижения эффекта как раз и является тем элементом значения, который З. Вендлер назвал «подрывным фактором».

Невозможность функционирования глагола “threaten” в перформативной формуле “*I threaten (you)*” вызвана противоречием иллокутивной цели высказывания и семантической структурой этого глагола, конкуренцией языковых средств, отрицательными оценочными импликациями, свойственными глаголу, необходимостью соблюдения принципа вежливости в межличностном общении, а также невозможностью эксплицитно выразить предосудительный характер перлокутивного эффекта, выявленного в семантическом составе глагола.

Тем не менее, в отношении высказываний угрозы неверно будет говорить о полной «скрытости» интенции говорящего, которая не может быть эксплицитно выражена, а должна быть «замаскирована» под соответствующий класс обычного, не «аномального» перформатива. Если данное положение может быть полностью применимо к таким глаголам из группы З. Вендлера, как *allege*, *boast*, *lie*, то говорить такое же о глаголе *threaten* представляется неоправданным. Едва ли говорящий стал бы угрожать слушающему, если бы тот об этом не смог догадаться.

Таким образом, если принять за факт то, что группа квазиперформативов не является однородной, можно будет выделить глаголы «закрытой» интенции, т.е. интенции, не предназначенной для опознания слушающим, и глаголы «открытой» интенции. При функционировании в предложении последних речевой акт не может быть назван эксплицитно, но для говорящего важно, чтобы его намерение было опознано слушающим, иначе речевой акт считается несостоявшимся.

Если говорить о типе негативной семы квазиперформативов, нужно отметить две ее разновидности: сла-

бую и сильную. Данная негативная сема может давать отрицательный результат не только по отношению к слушающему, но также и по отношению к говорящему. Слабый подрывной фактор будет всегда относиться к говорящему (Г), в то время как сильный - к слушающему (С). Даже если речевой акт не будет осуществлен или будет считаться неуспешным, слушающий не получит никакой выгоды (С0).

Невозможность перформативного употребления глагола “threaten” еще не означает невозможности выразить угрозу перформативно посредством других глаголов, обычно таким образом эксплицирующих интенции речевых актов других видов. Для того чтобы очертить круг речевых актов, форму которых в перформативной формуле принимает менасив, необходимо, прежде всего, вывести формулу коммуникативной ситуации, в которой угроза обычно реализуется.

Прагматическое значение высказывания единодушно определяется лингвистами как слагаемое из двух компонентов: значение высказывания, выводимое из входящих в него языковых единиц, плюс контекст общения или ситуация. «Высказывание можно определить как множество корреляционных пар, одним из членов которых является структурно-языковой элемент, другим - коммуникативный (прагматический). В этом случае построение высказываний представляет собой правила перехода от одной координатной системы (языковой структуры) к другой (коммуникативной)» [Почепцов, 1987, с. 29]. Следовательно, можно сделать вывод о том, что прагматическое значение может быть адекватно выведено реципиентом в том случае, если правильно восстановлена прагматическая структура высказывания.

Прагматические компоненты коммуникативной структуры ситуации угрозы будут включать:

- 1) Г – говорящего;
- 2) С – слушающего;
- 3) Их характеристики по шкале «выгода - ущерб» (Г(0)/(+) , С(-));
- 4) Тип взаимодействия между Г и С (Г→С).

Последние два компонента помогают отличить угрозу от других видов речевых актов по содержанию, даже при условии совпадения их по форме. Так, например, соотнесенность со шкалой «выгода - ущерб» демонстрирует отличие МРА от граничащего с ним директивного речевого акта совета:

“The American tide is ebbing. It is better for you to restrain your politicians who are thronging the steps of the White House” [<http://www.buzzle.com/articles/>].

Именно последние два компонента коммуникативной структуры и позволяют говорить об МРА как об отдельном речевом акте, имеющем свое значение, но не имеющем одной определенной и особо отличающейся формы. В своем перформативно-эксплицитном выражении форма МРА может совпадать с промисивным, директивным и комиссивным речевыми актами, в то время как в имплицитно-перформативном и косвенном выражениях к этим формам добавляется еще и ассертивная.

Не стоит в таких случаях говорить о том, что МРА относится к какому-либо из этих видов речевых актов. МРА отличается от них тип взаимодействия между говорящим и слушающим, определяемый не просто как воздействие Г на С с целью, к примеру, выполнения С действия, а как воздействие с целью нанесения С ущерба. При этом говорящий может как получать от этого выгоду, так и оставаться без нее.

Таким образом, структурное соответствие МРА семантической модели других речевых актов не определяет его семантического содержания. Последнее выводится из лексического наполнения, контекста и экстралингвистических факторов.

Не имея собственной перформативной формулы, МРА эксплицируется через целый набор таковых, заимствуя их у речевых актов других видов. Его перформативное употребление базируется на необходимости дифференциации иллокутивного акта в пределах прагматического варианта иллокутивного акта нескольких видов, т.е. индивидуализации речевого события путем выбора глагола из ряда возможных для обозначения ситуации угрозы.

Лексическая спецификация представления менасивной интенции в английском языке политики осуществляется в пределах ряда функциональных перформативных глаголов по типам:

- Угроза-обещание (промисив): promise, vow, swear;
- Угроза-предостережение (директив): warn;
- Угроза-намерение (комиссив): intend, seek, assure.

Используя для своей прямой экспликации перформативную формулу промисива, менасивный речевой акт распознается через прагматический компонент в содержательной структуре высказывания, выражающий намерение адресанта нанести ущерб адресату или предсказать негативные последствия для личности или деятельности адресата.

“*I promise to hunt down any remaining suspects in the near-simultaneous bombings of the U.S. missions in Kenya and Tanzania*” [<http://www.whitehouse.gov/>].

В данном примере адресант, пресс-секретарь белого дома Дж. Локхарт, берет на себя обязательство совершить некое действие не для адресата, а в ущерб ему - в этом как раз и заключается коренное различие между обещанием (промисивом) и угрозой (менасивом). «Обещание некорректно, если обещают сделать то, чего не хочет адресат обещания; оно тем более некорректно, если обещающий не убежден, что адресат обещания хочет, чтобы это было сделано, поскольку корректное обещание должно быть задумано как обещание, а не как угроза или предупреждение» [Серль, 1986, с. 163].

Помимо перформативного глагола “promise” в менасивных формулах, структурно идентичных промисивам, также употребляются его синонимы “swear” (клясться) и “vow” (торжественно обещать).

"I vow to continue the fight against the terrorists and their allies" [<http://www.buzzle.com/articles/>].

Обращаясь к следующей формуле, необходимо, прежде всего, отметить, что директив определяется как выражение волеизъявления говорящего; направленное на каузацию деятельности адресата [Беляева, 1992]. Директивный речевой акт имеет три разновидности: прескрептивы, реквестивы и суггестивы. Все три характеризуются приоритетной позицией говорящего, но имеют разные оттенки облигаторности выполнения действия адресатом. К прескрептивам относятся приказ, распоряжение, инструкция, запрет и пр.; к реквестивам - просьба, мольба, приглашение; к суггестивам - совет, предложение, предупреждение. МРА примеряет на себя перформативную формулу именно последнего типа директива в значении предупреждения, вследствие чего получает название превентивного менасива.

Характерной чертой стандартной перформативной формулы является наличие перформативного глагола в 1 л., ед.ч., наст. вр. Однако она не имеет жестких средств поверхностной манифестации [Остин, 1986]. Члены структурной синтаксической схемы способны подвергаться усложнению и расширению [Почепцов, 1971, с. 116-130]. Подобное расширение оказывается возможным за счет введения дополнительных строевых элементов. Так, в следующем примере менасивная формула, идентичная превентивному директиву, расширяется за счет постановки модального глагола.

"I must warn them that there are adequate penalties in the law to prevent them from doing it (seeking selfish advantage)" [<http://www.presidency.ucsb.edu/ws/>].

Обращаясь к третьей формуле, необходимо заметить, что класс комиссивов был выделен уже на первых этапах развития таксономии речевых актов Дж. Остином и Дж. Серлем. Несмотря на то, что в дальнейшем этот класс речевых актов подлежал обработке и сортировке, в процессе которой многие лингвисты выделили из этого класса промисивные речевые акты, класс комиссивов продолжает уверенно существовать как отдельный тип прагматических высказываний. Комиссивы возлагают на говорящего обязательство совершить действие, что в свою очередь, приведет к изменению положения дел в действительности. Они обязывают говорящего к определенной линии поведения - «буду делать всё возможное». Внутри данного класса можно выделить заявления о намерениях (intend, seek) и фактические обязательства (guarantee, assure).

"We are forward-looking in our research and development to anticipate and achieve the unimagined weapons of the future. With these and other improvements, I intend to assure that our vigilance, power, and technical excellence keep abreast of any realistic threat we face" [http://www.whitehouse.gov/briefing_room/].

"With one of those essential tools I seek to track terrorists, to disrupt their cells, and to seize their assets" [<http://www.revistainterforum.com/>].

Принятие подобными высказываниями формы комиссива не мешает, как и в предыдущих случаях, отнести их к речевому акту угрозы, так как при сохранении одностороннего воздействия говорящего на адресата, фактор бенефактивности является основным критерием обнаружения менасива. Адресату грозит физический или моральный ущерб, в то время как говорящий получает выгоду.

Как и в выше рассмотренных случаях, перформативная формула, идентичная комиссивам, может иметь манифестационные разновидности, такие как структурно-синтаксическое расширение за счет добавления модальных глаголов.

"The key to success is not to grow tired in the fight against terror. And I can assure you I won't" [<http://www.revistainterforum.com/>].

Рассмотрев перформативную экспликацию речевых актов угрозы, важно подчеркнуть, что основной перформативный глагол данного класса речевых актов "threaten" содержит пресуппозиции, связанные не со слушающим, а с говорящим, имплицитно отрицательную оценку поведения последнего. Речевое действие говорящего соотносится с системой социальных норм поведения и расценивается обществом как неприемлемое. «Табу» на употребление этого глагола в форме 1 лица, ед. числа наст. времени возникает из-за противоречия, в которое вступают нормы социального поведения и отдельные формы речевого поведения. В связи с такой антисоциальной особенностью МРА и выделяется определенная группа речевых актов, помогающих ему формально выразить коммуникативное значение угрозы: промисивные, директивные и комиссивные. Тем не менее, подобное структурное соответствие МРА семантической модели других речевых актов не определяет его семантики.

Список литературы

Антонова А. В. Интенция обещания и средства ее выражения в английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2004. 24 с.

Беляева Е. И. Грамматика и прагматика побуждения: английский язык. Воронеж: ВГУ, 1992. 168 с.

Вежбицка А. Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. Вып. 16.

Вендлер З. Иллокутивное самоубийство // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. Вып. 16.

Готлиб Н. В. Семантико-прагматические особенности высказываний, не допускающих экспликации перформатива: дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1989. 194 с.

Долнин К. А. Имплицитное содержание высказывания // Вопросы языкознания. 1983. № 6.

Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17.

Почепцов Г. Г. Коммуникативные аспекты семантики. Киев: Вища шк., 1987. 129 с.

Почепцов Г. Г. Конструктивный анализ структуры предложения. Киев, 1971.

- Серль Дж. Р.* Что такое речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17.
- Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса. Волгоград: Перемена, 2000. 368 с.
- Buzzle.com Special News Reports* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.buzle.com/articles>.
- Hornby A. S.* Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford University Press, 1998. 5th edition. 1428 p.
- Longman Dictionary of Contemporary English* / ed. by A. Gadsby and M. Rundell. Harlow: Pearson Education Limited, 2001. 3rd edition. 1668 p.
- Revista INTER-FORUM. Political articles and publications* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.revis-tainterforum.com>
- Searle J. R.* A Classification of Illocutionary Acts // Proceedings of the Texas Conference on Performatives, Presuppositions and Implication. Arlington, Va.: Center for Applied Linguistics, 1977.
- The American Presidency Project* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu>
- The White House* [Электронный ресурс]. URL: http://www.whitehouse.gov/briefing_room

LANGUAGE EXECUTION OF SPEECH ACT OF THREAT (ON THE BASIS OF ENGLISH POLITICAL DISCOURSE)

Epshtein O. V.

*Department of English Philology
Orenburg State Pedagogical University
olganleter@gmail.com*

Abstract. The review of the existing points of view on the differentiation of direct and indirect speech acts is given, and also the problem of the performative explication of speech acts of threat is considered in the article. Speech act of threat is explicated by the means of the form of other kinds of speech acts keeping its own communicative intention and semantic contents.

Key words and phrases: direct and indirect speech acts; performative explication; speech acts of threat; communicative intention; semantic contents.

АНАЛИЗ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СЕМАНТИКИ СЛОВ «ПРЯЛКА» И «ВЕРЕТЕНО» (НА МАТЕРИАЛЕ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК С КОМПОНЕНТАМИ ПРЯЛКА И ВЕРЕТЕНО)

Ян Кэ

*Факультет русского языка
Институт европейских языков и культур
Гуандунский университет иностранных языков и внешней торговли
mashayang@mail.ru*

Аннотация. Данная статья посвящена анализу национально-культурной семантики слов «прялка» и «веретено» в русском языке. В ней рассматриваются экстралингвистические факты, вызывающие оформление национально-культурной семантики этих слов, такие как бытовые, религиозные и т.д.

Ключевые слова и фразы: национально-культурная семантика; экстралингвистические факты; «прялка»; «веретено».

Образность - одна из характерных черт пословиц и поговорок каждого народа, причем образы, употребляемые в пословицах и поговорках, как правило, глубоко национальны. Они отражают специфику и своеобразие языка, культуры, уклада, традиции, истории, менталитета народа. К таким образам относятся *прялка* и *веретено*. Именно о них и пойдет речь в нашей работе.

На первый взгляд, о прялке и веретене особенно не о чем и говорить. В обыденном восприятии прялка и веретено - простые, очень старые приспособления для получения нити и ткани, и не более того. Но если мы заглянем вглубь исконных смыслов этих образов, то перед нами откроется огромный и очень интересный мир, созданный предками русского народа много лет тому назад. В России изучение прялки и веретена главным образом ведется силами искусствоведения и этнографии и включает три направления: типология по форме, конструкции и технике декорирования. Семантика этих интересных и глубоко функциональных предметов представляется на сегодняшний день недостаточно изученной в русской лингвистике, и соответственно, мало кто из китайских руссистов уделяет ей внимание. Вот почему мы решили сделать попытку исследования в этом плане.

Национально-культурная семантика, так же как и языковая, формируется на основе определенных свойств денотата: его внешних признаков (формы, размера, материала, цвета и т.д.), его «происхождения»